

ЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГИЯДОРА СТРИПСКОГО

Иштван Удвари

(Udvari István, Nyíregyházi Főiskola, Ukrán és Ruszin Filológiai Tanszék
H-4400 Nyíregyháza, Sóstói út 31/B)

Научной общественности Гиядор Стрипский (1875–1946) известен как венгерский и русинский этнограф¹, библиограф² и литературовед³, менее известна его языковедческая деятельность⁴.

Важнейшие направления его научных интересов сформировались в коложварский период жизни – 1897–1908 гг., во время пребывания в Университете им. Ференца Йожефа и в музеях города Коложвара (рум.: Cluj). Уже ранее мы обращали внимание на то, что все, чему ученый научился в столице Трансильвании, он непосредственно использовал в своих

¹ См. *Magyar Néprajzi Lexikon V. Bp.*, 1982: 118; Udvari István – Viga Gyula, Sztripszky Hiador és négy levele Herman Ottóhoz. *Herman Ottó Múzeum Évkönyve XXXVIII. Miskolc*, 1999: 1299–1314; Udvari István, Sztripszky Hiador a budapesti Néprajzi Múzeumban. *Kárpátaljai Szemle VI*, 1998, № 3, 22–23.

² См. Borsa Gedeon, Sztripszky Hiador. *Könyvtáros IX*, 1959, № 4, 263–266; Udvari István, Adatok Sztripszky Hiador könyvészeti munkásságáról. *Könyv és Könyvtár XX*. Debrecen, 1998: 67–97.

³ См. *Magyar Irodalmi Lexikon III. Bp.*, 1965: 284; *Új Magyar Irodalmi Lexikon III. Bp.*, 1994: 2023; *Világirodalmi Lexikon XIV. Bp.*, 1992: 786; см. еще: К.Й. Галас, Закарпатоукраїнський ономаст Гиядор Миколайович Стрипський. *Onomastica XV. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk*, 1971: 301–307; *Українська радянська енциклопедія II. книга перша*. Київ, 1984: 23; П. Магочій, *Формування національної самосвідомості: Подкарпатська Русь (1848–1948)*. Ужгород, 1984: 189; М. Мушинка, Світлий дух Угорської Русі: До 120-ліття з дня народження Гиядора Стрипського. *Карпатський край V*. Ужгород, 1995, 1–4 (№ 110), 46–50; P.R. Magocsi, *The Shaping of a National Identity: Subcarpathian Rus' 1848–1948*. Cambridge–London, 1979 (2), 328; В. Бирчак, *Літературнѣ стремлѣня Подкарпатськоѣ Русі*. Ужгород, 1921: 89–91; І.В. Хланта, Гиядор Стрипський, прозаїк, перекладач, фольклорист. In: Его же, *Літературне Закарпаття у ХХ столітті: Бібліографічний покажчик*. Ужгород, 1995: 675–678. Об этом подробнее см. Udvari István, Adatok Sztripszky Hiador műfordítói munkásságához. *Könyv és Könyvtár XXI*. Debrecen, 1999: 105–151; Его же, Sztripszky Hiador nagyszombati hagyatékának bibliográfiai vonatkozású adatai. *Könyv és Könyvtár XXI*. Debrecen, 1999: 265–284.

⁴ О его смерти из отечественных научных журналов лишь "Magyar Nyelv" (42, 1946: 88) упомянул: "Из числа основателей журнала умерли [...] Гиадор Стрипский, советник министра, заслуженный сотрудник журнала".

работах, связанных с фольклористикой и библиографией карпатских русинов.⁵ На мой взгляд, как раз коложварский период жизни ученого, традиции и направления коложварской научной школы на всю жизнь определили характер языковедческой деятельности Гядора Стрипского.

Ономастика

В кругах тогдашних коложварских филологов считалось, что важнейшим предметом языковедческих исследований является живой народный язык. Интерес к изучению народной жизни и живой народной речи возник у Стрипского в главном городе Ерделя и не покидал ученого до конца жизни. Программа сбора русинских межевых названий и названий местностей сформирована Стрипским в Коложваре,⁶ где он ввел (уже существовавший в венгерской языковедческой литературе) термин *межевые* в русинский и русский языки.⁷

В своих языковедческих исследованиях Г. Стрипский обращал пристальное внимание на ономастику, на русинские письменные памятники и их язык, вопросы прикладной лингвистики.

Ученый, следуя знаниям и традициям, приобретенным в стенах Коложварского университета, существенной частью полевых исследований по этнографии считал описание важнейших особенностей языково-диалектных элементов, сбор межевых и названий местностей, учет древних рукописей и изданий. В статье "Кое-что о нашей этнографии",⁸ по-

⁵ См. Udvari István, Adatok Sztripszky Híador késői alkotói korszakához. Magyar szavak szótára lengyelek részére (1939), Vörösmarty Mihály: Szózat c. költeményének ruszin fordítása. In: Bańcerowski Janusz (szerk.), *Hungaro-Polonica 1998–1999*. Bp., 2000: 370–377.

⁶ Коложварские периодические издания "Erdély" ("Трансильвания"), "Erdélyi Múzeum" ("Трансильванский музей") и "Erdély Népei" ("Народы Трансильвании") регулярно публиковали ономастический материал. См., например, Kelemen Lajos, Erdélyi határ- és helynevek. *Erdély Népei* IV, 1901, № 2, 26–31.

⁷ Sztripszky Híador, *Гдѣ документы старшей исторіи Подкарпатской Руси? О межевыхъ названіяхъ*. Ужгород, 1924. У Гядора Стрипского русский термин *межевые названия* соответствует русинскому: *хотарные назвиска*, под которым подразумевается макро- и микропонимический материал. См. синонимические выражения: *хотарные назвиска*, *межевые названия*, используемые несколько раз в его книге. Термин *межевые названия* в значении 'географические названия' заимствовал у Стрипского русский исследователь карпатских русинов Алексей Петров. См. А. Petrov, *Karpatoruské pomístní názvy. Karpatorusskija mezevyya nazvanija*. Praha, 1929. См. еще *Magyar Nyelv* 39, 1943: 386.

⁸ Гядор Стрипский использовал работу "Об этнографической выставке Трансильванского карпатского музея" Антала Геррманна при выработке прин-

явившейся в журнале "Келет" в 1900 году в Ужгороде, Стрипский поместил обширный этнографический вопросник, в котором были представлены вопросы по ономастике, например: как называется село; имело ли оно ранее другое название; топографические названия (речка, ручеек, лес, источник, гора, вершина, полонина, пещера); наиболее распространенные фамилии.⁹

Зафиксированные ученым во время экспедиций по сбору этнографического материала топонимические данные он опубликовал в то время лишь частично. По поручению этнографического музея в 1909 году, например, Стрипский провел сбор экспонатов и наблюдения в трансильванском селе Бикфалва,¹⁰ однако названия местностей этого села опубликовал лишь в 1945 году.¹¹ Собранный Стрипским в русинских селах в 1900–1913 гг. материал по названиям местностей опубликовал в 1929 году Алексей Петров в своей книге, изданной в Праге.¹² В предисловии русскоязычной книги Алексея Петрова о названиях местностей карпатских русинов автор пишет, что в 1924 году Г. Стрипский передал ему карточки с названиями местностей 50 сел, а именно с Мароморошского комитата – 17, Берегского комитата – 21, Унг – 5, Угоча – 4, Земплен – 3. С профессиональной точки зрения эта часть книги русского автора самая ценная и достоверная.

ципов сбора и обработки этнографических материалов, адаптировал их к исследованиям карпатских русинов и опубликовал в ужгородском "Келете" в 1900 г. в апрельском и майском номерах журнала.

⁹ См. Olena Rudlovcsák, *A kárpátukrán néprajzkutatás története (1914-ig)*. *Folklor és Etnográfia* 26. Debrecen, 1986: 52–60; Mayer Mária, *A kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések 1860–1910*. Вр., 1977: 90–91.

¹⁰ См. письма Стрипского об этом вопросе. *Budapesti Néprajzi Múzeum Irattára*. N.O. 105/1909; N.O. 151/1909. Udvari István, *Adatok Sztripszky Hiador néprajzi munkásságához*. In: Panykó Mária (szerk.), *Madarak voltunk*. Beregszász–Budapest, 1999.

¹¹ См. *Helynevek a háromszéki Bükkfalváról*. *Magyar Nyelv* 41, 1945: 94–95. Рукопись сообщения см.: Рукописный отдел библиотеки ВАН 5187/34. Из этого можно определить, что название статье дал Дежё Паиш. В 1945 г. в журнале "Magyar Nyelv" опубликованы географические названия некоторых сел области Барани – Сентлёринц, Качата, Чонкаминдсент, поданные Стрипским. См. *Baranyamegyei helynevek*. *Magyar Nyelv* 41, 1945: 94.

¹² См. Стрипский 1924. В 1910 г. Стрипский познакомился с Петровым, к книге которого о пределах распространения русинского языка подготовил русинскую часть указателя названий местности, а на основании "Lexicon locorum" (1772) и нарисовал карты комитатов. См. А. Петровъ, *Предѣлы угрорусской рѣчи въ 1773 г. по официальномъ даннымъ*. *Материалы для исторіи Угорской Руси* VI. Спб., 1911.

В 1924 году Стрипский снова передал Петрову материал из 201 поселения, которые, однако, были собраны не им лично, а были ответами на разосланные исследователем в 1923 и 1924 годах вопросники, заполненные подкарпатскими учителями. Эти материалы были весьма пестрыми, отличались разнообразием как с точки зрения правописания, так и профессионализма в целом. География этих материалов: Мароморош – 42, Берег – 68, Унг – 27, Угоча – 14, Земплин – 47, Шарош – 3.¹³ По оценке Петрова, эти материалы не достигают научного уровня, по сравнению с материалами, собранными самим Стрипским.

В 1923 г. при помощи Подкарпатского инспектората Стрипский разослал учителям русинских сел "Вопросный листъ для собиранія межевыхъ названій и иншихъ культурно-историческихъ свѣдений". Этот вопросник под названием "Инструкціи для собираній межевыхъ названій Притисьянской Руси"¹⁴ Стрипский опубликовал и в своей книге по ономастике, которая была издана в 1924 г. в Ужгороде.¹⁵ Вопросник рассылался для того, чтобы из ответов получить, во-первых, языковую информацию по истории русинских поселений, во-вторых, достоверные сведения по языку местных подкарпатских русинов с тем, чтобы на ее основе в дальнейшем развивать научную терминологию. Анкета состоит из двух частей: а) общие указания из 6 пунктов; б) подробные указания из 25 пунктов.

Общие указания касаются вопросов выбора реципиента, техники записи и т.д. По мнению ученого, например, опрашиваемый должен быть местным жителем, желательно постарше, без дефектов речи (беззубые, например, не годятся); должен чисто и внятно произносить слова; во время коммуникации реципиент не должен держать во рту трубку и т.д. Собиратели материала должны фонетической транскрипцией записать географические названия, поставить ударение; свои личные комментарии собиратели должны отделить от ответов реципиентов; к собранным материалам необходимо начертить карту села. Особое внимание обращал Стрипский на то, что пользование поземельными книгами (кадастрами), картами или другими готовыми и менее ценными источниками с языковой точки зрения неуместно. Главным источником должны быть образцы живой разговорной речи.

¹³ См. А. Петров 1929: 23–27; Стрипский, *Magyar Nyelv* 39, 1943: 386.

¹⁴ См. Стрипский 1924: 52–60.

¹⁵ Здесь требует внимания географическое название *Притисьянская Русь*, которое наряду с принятым чехами *Подкарпатская Русь* 'Подкарпатская русинская земля', и ранее распространенное в этнографической литературе русское *Угорская Русь* 'Венгерская русинская земля' использовалось Гиядором Стрипским.

Среди подробных указаний большинство носило ономастический характер; 2) названия соседних поселений; 3) русинское название села; 4) предыдущее название села; 5) ответ на вопрос: откуда вы? 6) как прозывают село или его жителей жители соседних поселений; 7) формы существительных, образованных от названия села и называющих его жителей (в единственном и множественном числе); 11) названия соседних сел и их жителей; 12) названия частей села 12) названия реки, озера рядом с селением; 13) межевые названия; 14) названия источников.

В анкете представлены и вопросы, относящиеся к именам лиц и кличкам животных: 18) фамилии; 19) прозвища; 20) клички лошадей, волков, коров, собак.

Несмотря на то, что в этой анкете доминировали вопросы по ономастике, чувствуется стремление ученого получить в ее ответах и сведения по этнографии, и по истории культуры, лингвистической географии. Для подготовки Диалектологического атласа "Притисянской Руси" он подготовил 10 дополнительных вопросов, ответы на которые должны были высветить фонетические, морфологические и лексические особенности собранного материала.

Идеи, представленные позже в научных статьях ученого, часто находим как раз в книге (Стрипский 1924), поместившей эту анкету, поэтому ей посвятим несколько предложений. В книге о межевых названиях на 65 страницах, автор в научно-популярном стиле рассматривает особенности названий местностей, их значение в аспекте исторической географии и лингвистики. На богатом языковедческом материале со значительным привлечением собственных фактических материалов высказывается о необходимости использования географических названий при формировании специальных терминов в школьных учебниках.

Названия местностей способствуют развитию терминологии других отраслей науки и представляют полезный материал. При этом, как отмечает Г. Стрипский, "кто берется за тяжку работу составлять терминологию школьных подручниковъ, имѣть начинати свое дѣло тутъ таки дома, на своей Руси, вмѣсто того, чтобы хапатися ко крайностямъ, выписуючи легкою рукою слова то изъ російскихъ книгъ, то изъ украинскихъ-галиційскихъ".¹⁶ По мнению Стрипского, то, чего специалист фор-

¹⁶ Между двумя мировыми войнами в Подкарпатье прибыло много россиян и украинцев, обучение в местных школах и учебных заведениях в большинстве своем проводилось на русском или украинском языках. Сторонники русской ориентации провозглашали единственно возможным русский, а украинофилы – украинский язык. Для культурной и научной жизни русинов, таким образом, были характерны разногласия в области мировоззрения, идеологии и языковой ориентации. Сторонники русской и украинской языковой ориентации объ-

мирующий терминологию, не находит в материале географических названий, найдет в на удивление богатом живом народном языке местных крестьян. Если же и у них не найдет нужное слово, только тогда может обратиться к заграничным книгам. Стрипский считал, что из ответов, полученных в результате заполнения вопросников, возможно начать составление историко-географической энциклопедии Подкарпатья.¹⁷

Говоря об источниках ономастических примеров, которые представлены в книге, Стрипский выделяет собранные лично им материалы, а также рукописный сборник названий местностей Фридьеша Пешти. По этому поводу пишет он и о конкурсе по сбору названий местностей 1837 года, который был объявлен Венгерской Академией Наук. С сожалением ученый несколько раз замечает о том, что в материалах Пешти, относящихся к русинской территории, много недоработок. Стрипский считает, что ответы на анкету, заполненную в венгерских селах, точны. Такими же добросовестными, на его взгляд, являются и ответы из словацких и немецких сел.

Слабо представлены здесь румынские села, а русинские и того хуже. В ответах, присланных с русинских территорий, граничащих с венгерскими селами, можно найти приемлемые ответы, но в более 60% русинских сел северных и горных районов комитатов Берег и Унг не заполнили анкету. Нотариусы и священники этих поселений либо не поняли важности этого дела, либо были очень ленивыми – пишет Стрипский.¹⁸ Неудовлетворен Стрипский и качеством ответов на вопросы анкеты из русинских сел. Ответы считает краткими, записанные географические названия неточными. Причина – большинство реципиентов слабо или совсем не знали русинского народного языка.¹⁹ В записях мараморошской Верхней Апши находим 6 географических названий, а между тем автор в 1909 г. записал 95 прекрасных и поучительных примеров.²⁰ Записи

единились в отдельные общества. См. Bonkáló Sándor, *A rutének (Ruszinok)*. Вр., 1940: 130–134.

¹⁷ См. Стрипский 1924: 5.

¹⁸ См. Стрипский 1924: 49–51.

¹⁹ А. Петров отклоняет это мнение Стрипского, посвятив сборнику названий местностей, подготовленному Пешти, целую книгу. См. A. Petrov, *Neznámy rukopisný materiál pro historickou demografii Slovenska a Podkarpatské Rusi z r. 1864–65. Fr. Pesty: Helységnévtára. – Seznam osad Uher*. Praha, 1926: 70–92. Петров последовательно использовал в своем исследовании об исторической демографии Словакии 18–19 вв. рукопись сборника местностей Пешти. См. *Příspěvky k historické demografii Slovenska v XVIII–XIX století*. Praha, 1928.

²⁰ Стрипский собирал материал в 1907 г. в Верхней Апше. См. Его, *Halot-tasházi játékok Máramarosban. Erdélyi Múzeum XXVI (új folyam IV)*. 1909: 188.

Фридьеша Пешти, относящиеся к русинским поселениям, бедны, неточны, иногда недостоверны; на их основе невозможно проводить серьезные исследования, поэтому их не следует издавать. Невыполненную работу в период деятельности Пешти нужно сделать сейчас, в 1924 г. – утверждает Стрипский.

Высказывается ученый и об ответах, полученных в 1923–24 гг. в связи с этимологией названия *Освай* < *Осой*, указывая, что этот географический термин мало известен за Карпатами,²¹ а в Подкарпатье в "хотаре" 30 сел²² встречается для обозначения названия горы.²³

В статье о селе Боржава и одноименном названии реки упоминает, что данные о названиях местностей, находящиеся в книге А. Петрова "Межевые названия...", изданной в 1929 г., могут быть использованы как лингвистический материал лишь после критического отбора. В противовес Мелиху и Паижу происхождение названия Боржава объясняет от слова *берег*. Одним из главных доказательств, на взгляд ученого, является то, что в языке русинов название реки и села звучит как "Бережава" а в *Lexicon locorum* также находим форму: *Beresava* 'Бережава'. Название реки Стрипский считает первичным, а название села – вторичным.²⁴

В статье "Erge"²⁵ он материалами из Подкарпатья способствует освещению значения и истории данного слова. Дежё Паиж на его рукописи заметил²⁶, что автор должен был взять во внимание статью Аттилы Т. Сабо²⁷.

²¹ См. Sztripszky, *Magyar Nyelv* 39, 1943: 386–389. Рукопись статьи с замечаниями редактора Дежё Паиж в рукописном отделе библиотеки Венгерской Академии Наук MS 5179/164. См. исследование Стрипского на русинском языке о названии села Осой: Путаница около назвы Осой. *Литературна недѣля* (далее – ЛН) II. Ужгород, 1942. 4. 23. 246–249. Другой выпуск про Осоя. ЛН III. 1943. 4. 11. 81–83.

²² Перечисление см. в варианте статьи о с. Осой на русинском языке.

²³ Большинство материалов тогдашней научной дискуссии по поводу названия *Осой* – как и другие сведения о селении – представлены в специальном номере газеты "Русинська бисіда" (Ужгород, 1999, ч. 11), редактор которой Иван Петровцій – выходец из этого села.

²⁴ См. Sztripszky, *Magyar Nyelv* 40, 1944: 348–353. Об этимологии Боржава см. еще: Benkő Loránd, Bors vezértől Borzsováig. In: Zoltán András (szerk.), *Nyelv, stílus, irodalom: Köszöntő könyv Péter Mihály 70. születésnapjára*. Budapest, 1998: 62–67.

²⁵ Sztripszky, *Magyar Nyelv* 39, 1943: 325–326; *Magyar Nyelv* 40, 1944: 71.

²⁶ Рукописный отдел Библиотеки ВАН Magyar Szemle 179 179/140; Magyar Szemle 5184/172.

²⁷ Szabó T. Attila, *Magyar Nyelv* 29, 1933: 242–243.

В 1942 году Г. Стрипский высказывается об истории названия Ужгород²⁸ и Чинадиево²⁹ (Берегсентмиклош). В том же году в письме Анталу Годинке сообщает, что закончил работу "Название села Нелипино".³⁰ Венгерский перевод *Hársfa* этого названия села считает ошибочным, происшедшим в 1848–1858 в канцелярии епископата. Стрипский считает, что название села связано не со славянским нарицательным именем *lipa*, а собственным именем *Helbna* 'некрасивая'. В отношении подобных этимологий, как и в отношении истории церкви, вспомним о весьма ценной публикации Гиядора Стрипского: "Церковнѣ схематизмы и назвы нашихъ сель".³¹ Как раз в этой статье он снова возвращается к названию *Нелипино*, отмечает, в частности: "Из собственного опыта утверждаю, что толкование русинских названий местностей наши словари дают в 40-50 случаях из 100 ошибочно. Опираясь на эти ошибочные названия, исследователь не может их использовать правильно. Как когда-то Като о Карфагене я тоже настаиваю: надо определить точную форму названий местностей и собрать названия в границах села. Из этих данных узнаем историю части венгерских земель".

На основе исследований Иштвана Книежи остроумно сопоставляет этимологически взаимосвязанные венгерскую фамилию Илошвай и русинскую Ольшавский.³² В 1942 г. он побуждает своих читателей к сбору образцов народной речи.³³ Примерами подтверждает, что в русинском языке есть фрикативный и взрывной звук *g*, одновременно обращая внимание читателей на то, что в славянских по происхождению фамилиях с фрикативным звуком *g* нельзя его произносить как взрывной.³⁴

На страницах газеты Подкарпатского Общества Наук "Литературна недѣля" объясняет представленное в словаре Митрака³⁵ русинское

²⁸ Hogy lett Ungvárból Užhorod. *Kárpáti Híradó*. Ungvár, 1942. május 30–31. Переиздание: *Kárpátaljai Szemle* V, 1997, № 2, 20–22.

²⁹ Magyar eredetű ruszin helységnevé: Beregszentmiklós – Csinagyievo. *Kárpáti Híradó*. Ungvár, 1942. április. IV/5, IV/9.

³⁰ См. Udvari István, Mikor keletkezett a Hársfalva név? Sztripszky Hiador levele Hodinka Antalhoz. *Névtani Értesítő* 21, 1999: 99–102.

³¹ Egyházi schematizmusaink és a helynevek. *Зоря – Hajnal* III. Ужгород, 1943: 206–228.

³² По мадярски Plosvay – по руськи Ольшавский. *ЛН* 1942, ч. 6, с. 47–49.

³³ Як треба збирати матеріал для словаря. *ЛН* 1942, ч. 19, с. 199–201.

³⁴ Ци есть справнымъ высловити прозьвиско "Гомичко" звуком *g*, яко Gomiczko. Ци правду учать наші грамматики, что в руськомъ языці звука *g* не есть? *ЛН* 1943, ч. 2, с. 21–23.

³⁵ Mitrák Sándor, *Orosz–magyar szótár*. Ungvár, 1881.

слово *sakalaish* 'пасхальный фейерверк'³⁶, и просит помощи у читателей для уточнения значения некоторых непонятных и неизвестных ему слов.

Гиядор Стрипский высказывается и об этимологии многих других слов. В статье "Что обозначает в русинском языке слово *синетар*?" Стрипский определяет, что это слово румынского происхождения, встречающееся в Марамороше, этимологически совпадает с латинским "сонатор" и обозначает 'сопилкарь',³⁷ а не 'работник, красящий ткань'. В статье "Стронга, загонять в стронгу"³⁸ вступает в полемику с историком Шандором Такачем, иллюстрирует этнографическими примерами доказательства того, что первичное значение слова *стронга* 'место для доения овец', а значение 'вид налога' – вторичное. Ссылаясь на словарь Гергеля Цуцора – Яноша Фогараши цитирует фразеологизм: "толкаются как овцы в стронге".

Слово *bajka* определяет как ошибочное прочтение Шандора Такача. Стрипский считает, что относящееся к тополчанскому имению слово *lajka* обозначает 'черная овца', которое в словацком языке является румынским по происхождению.³⁹ Развивая эту мысль, Стрипский венгерское слово *rajkó* также считает словакизмом.⁴⁰ В статье "Orszok", подобно Анталу Горгеру и его статье с похожим названием,⁴¹ ссылается на славянские и румынские языковые данные.⁴²

Собирая материал к теме "Народы Венгрии в зеркале народных пословиц",⁴³ он обращает внимание на глумливое название одного села –

³⁶ Обяснить сі слова. *ЛН* III. 1943, ч. 11, с. 131; там же ч. 14, с. 166–167. См. еще: Из життя слов *ЛН* III. 1943, ч. 19, с. 227–228.

³⁷ Что значить слово "синетарь"? *ЛН* 1941, ч. 10, с. 79–81.

³⁸ Sztronga, esztrengába fog. *Magyar Nyelv* 20, 1924: 80–84.

³⁹ A bajka juhról meg a cigányrajkóról. *Nép és Nyelv* IV, 1944: 37–40.

⁴⁰ См. *Magyar Nyelv* 40, 1944: 297–299.

⁴¹ См. Horger, *Magyar Nyelv* 40, 1944: 279–299.

⁴² Краткое сообщение в рукописи Дежё Паижа. См. Рукописный отдел Библиотеки Венгерской Академии Наук. MS 5180/104.

⁴³ Стрипский работал над составлением сборника пословиц и поговорок под названием "Народы Венгрии в зеркале народных пословиц". Об этом он сообщает и в письме к литературоведу Арону Силады. Опубликовано: *Könyv és Könyvtár* XX. Debrecen, 1998. По этому поводу Г. Стрипский обращался за помощью и к украинскому исследователю В. Гнатиюку:

Ljubyj davnyj staryj Pryjatelju!

Buv by nezvyčajno vdjačnyj, koly b ty buv v položenju menji dopomohty osj v jakim djilji. Pracuju nad tematom: "Narody Ugorščyny v zerkalji svojich vysloviv". Choču predstavyty narodnyj duch, jak vin vyjavljuje svoji osudy pro narody joho okružajuči osudy

Kajántó,⁴⁴ которое, на его взгляд, возникло в средние века, в 15–16 веке. Янош Горват глумливое стихотворение, относящееся к трансильванскому селу *Kajántó*, считает подделкой.⁴⁵ Поддержали его мнение и редакторы журнала "Magyar Nyelv" Калман Сили и Янош Мелих,⁴⁶ которым Стрипский ответил статьей "И все же подделка?"⁴⁷

otsji vyjavljautsa – ty duže dobre znaješ – v rižnych anekdotach, facecjach, pryrovdkach, považnych narodnych pisnjach, djitočych ihraškach, hlumlyvych spivankach, de mova pro jakoho-budj naroda i v zadyrankach pro susidni sela. Chodytj meni holovno ob Uhrach ale pryrodno potrebuju osjaky pryčynky dlja porivnanja vysloviv iz usjich literatur slovjanskyh i neslovjanskyh iz ciloji Austro-Uhorščyny.

Jak by ty otže sam buv pry sylach menji rejestryk takych ukrajinskych, polskych, moskovskych... volosjkyh etc. knych, brošur, etnografičnych zbirnyh vydanj ta žurnaliv, v jakych nachodjatj sja pryčynky do tematu, se buloby krašče, bo spodivaju sja, ščo ty ponadavav by zarazom i storinky danyh žerel, jakych ty duže dobre znaješ, a ja nji, ale jak by ty ne buv v položenju ceho zrobyty, predaej spravu komusj tjamuščomu. Zarazom podaj menji i dekiljka nazvysjk: do koho b menji zvernutysj iz etnografii po rižnych krajach monarchii? Ty jich pevne znaješ.

Pod rukamy maju vseho lyš (Zatureckoho Slovenska prislovi, ta Čelakovskoho Mudroslovi 1852)

Iz ukrajnskych vydanj ne staje menji bahato, bo z Etnog. zbirnyka n. t. Ševčenka i t. i. vypozyčyv kiljkanajcatj tomiv Bonkalovy, ale vin, neborak, cilkovyto zhoriv, knyžky propaly z cilym mistom Gyöngyös, jak se ty pevno čytav v gazetach seho roku v maju.

Žyvemo jak znajemo; teper až v čvircji, bo svekra iz donjkoju musily bihty izza romanskoji invaziji iz Semyhorodu, chata zrujnovana, a vony žyvutj uže vyšše roku u mene. Zdorovlju tebe serdečno i bažaju tobi vsjoho dobra.

Tvij H. Sztripszky

Budapest, 30. IX. 1917

Место нахождения письма: Отдел рукописей Львовской научной библиотеки им. Стефаника АН Украины. Фонд В. Гнатюка. № 539. На этом месте выражаю глубокую благодарность доценту тернопольского университета им. В. Гнатюка господину Сергею Ткачову, который любезно обратил наше внимание на письмо Стрипского.

⁴⁴ См. *Magyar Nyelvőr* 47, 1918: 20–26. О предложенном им термине в отношении глумливого названия считает, что оно намного лучше других слов, использованных в ж. "Magyar Nyelvőr".

⁴⁵ См. Horváth János, *Ösi nyolcas szerkezetek időrendje (Egy állítólagos nyelvemlék korkérdéséhez)*. *Magyar Nyelv* 14, 1918: 49–53.

⁴⁶ *Magyar Nyelv* 14, 1918: 54–55.

⁴⁷ *Magyar Nyelvőr* 47, 1918: 125–128.

Прикладное языкознание

Гиадор Стрипский как филолог в 1939 году предоставил активную помощь полякам-беженцам, составив для них малый венгерско-польский словарь,⁴⁸ содержащий наиболее распространенные слова с обозначением произношения. Я представил этот, соответствующий эпохе филологический документ на VIII-ой полонистической научной конференции в Будапеште.⁴⁹ Во время Второй мировой войны в двух изданиях появился труд Стрипского "Русский разговорник для венгров...", заслуживающий также внимания с точки зрения истории преподавания русского языка в Венгрии. По мнению монографа истории отечественного преподавания русского языка Калмана Кишша,⁵⁰ это был мирный, гражданский, непредназначенный для армейского (солдатского) пользования разговорник, который содержит основанную на текстах о выдуманном путешествии элементарную лексику и примеры с минимальным предоставлением грамматических знаний. Интересным в этой работе является то, что грамматическая часть полностью соответствует русскому варианту грамматического раздела в серийном издании ("Rozsnyai gyors nyelvmesterei...") 1906-го года. Участников вымышленного путешествия автор отправляет не в один из больших русских городов, например, Москву или бывший Ленинград, а в столицу Украины – Киев.

Русинский литературный язык

О русинском литературном языке Стрипский имел ярко выраженное свое мнение. Во многих своих трудах он настаивает на том, что русинская интеллигенция должна отказаться от традиций XIX века, которые ориентировались на великорусский литературный язык, и на основе языковых традиций памятников XVI–XVIII вв. создать современный ру-

⁴⁸ *Słowniczek najniezbędniejszych słów węgierskich dla Polaków, z wymową.* Bp., 1939.

⁴⁹ См. Udvari István, *Adatok Sztripszky Hiador késői alkotói korszakához (Magyar szavak szótára lengyelek részére (1939); Vörösmarty Mihály: Szózat c. költeményének ruszin fordítása.* In: Bańczerowski Janusz (szerk.), *Hungaro-Polonica 1998–1999.* Bp., 2000: 370–377.

⁵⁰ Kiss Kálmán, *A magyarországi orosznyelv-oktatás történetének száz esztendeje (1849–1949). Bölcsészdoktori disszertáció.* Nyiregyháza–Debrecen, 1993: 28–30 (kézirat); Он же, *A magyarországi orosznyelv-oktatás első korszaka (1849–1949).* Debrecen, 1995: 24–25.

синский литературный язык, поскольку язык этих памятников был близким к живой разговорной речи подкарпатских русинов.⁵¹

В труде, обобщающем историю письменности венгерских русинов, он в 8-ми пунктах излагает советы для специалистов в области новой русинской литературы. Ученый, в частности, советует: сохранить особенности, характерные для языка малороссов Подкарпатья и Закарпатья; следовать определенным традициям, сложившимся в литературе подкарпатских русинов; сохранить этимологическое *о*, избегать русских слов; бережно относиться к неизбежным в результате языкового сожительства соседних народов венгерским словам.⁵²

Свои мысли по этому поводу в этой объемной работе исследователь резюмирует следующим образом: "не е иншоѣ дороги, якъ сеся: мы повиннѣ обновити тоті руснацько-літературні змаганя, котрыхъ розпочали наші предки и продовжати їхъ. Бо они выросли у насъ, отже коринь їхъ живе еще и нынѣ у насъ; а на живое, хоть и старое дерево прискіплени вітвы набизовно приймуться".⁵³

В написанной в 1913 году статье говорится: "Так как этот простой крестьянский язык (венгерских руснаков) самостоятельный, развился в хунгаро-рутенскую форму, которая далека от украинской, но от русских еще дальше, поэтому ничего другого нам не остается делать, как на основе особенностей живой крестьянской речи, создать собственный литературный язык венгерских крестьян-руснаков.

Естественно, что поскольку он очень отличается от них по содержанию, правописание его должно отличаться как от украинского, так и от русского".⁵⁴ Правописание "должно иметь целью, чтобы крестьянский язык "был одет" в такую одежду, чтоб из внешнего его вида было понят-

⁵¹ Язык литературной традиции Подкарпатской Руси. *Карпатский свѣтъ* 1930, № 9–10, 1083–1093.

⁵² См. в оригинале: "Та якихъ правилъ повинна держатися наша обновлена письменность? 1. Задержати усѣ свойства малоруського языка, котрі спольни такъ у нашой бесѣдѣ, якъ у Закарпатськихъ Русиновъ [...]. 2. Задержати Угроські свойства: здоровый, доброе, Исусовы родичі, быкъ и мыло, быти, што, най, пишеме, Иванъ, письменность, ци. 3. Задержати коренный звукъ "о" для золляня трехъ нарѣчій на пр.: отъ Бога, червеный конь, только на томъ дѣлѣ, у немъ, добрыхъ творовъ, на Угорськой Руси. [...] 6. Уминати московькі слова, коли маеме своѣ. 7. Мадяризмы, котрыхъ не можъ уходити, треба задержати. 8. У небизовныхъ випадкахъ научити и напутити насъ практика." См. Старша руська письменность на Угорщинѣ. Написавъ: Біленькій. *Наука* 1907, № 12, 11–28.

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Moskophilismus, ukrainismus és a hazai rusznákok. Budapesti Szemle* 153. K. 1913, ч. 434, 292.

но, что это ни русский, ни украинский языки, но пусть соответствует требованиям всех четырех диалектов".⁵⁵ Свои представления о правописании Стрипский внедрил на практике, в период Гражданской революции и Венгерской Советской Республики (1918–1919). Он был редактором издаваемой в декабре 1918 г. для венгерских русинов официальной еженедельной газеты "Руско-Краинская Правда", которая была официальным органом для русинов, проживающих в образованной в то время автономной территории "Руска крайня", и стал основателем серии изданий "Руско-Краинская Библиотека", первый номер которой он сам и составил.⁵⁶ В сборнике "Читанка для дорослих" Г. Стрипский поместил несколько языковых памяток карпатских русинов и статью "Из чого нам научитися по руськи?". В ней автор поддерживает идею развития литературного языка карпатских русинов. По его мнению, развитие русинского литературного языка должно опираться на два источника: отечественные русинские литературные традиции, содержащиеся в основном в народно-язычных литературных памятниках, и современные местные диалекты. В этой статье Стрипский выступает против использования церковнославянских и великорусских элементов в русинском литературном языке.⁵⁷ С целью обозначить всю важность литературных текстов, основанных на живой разговорной речи местных крестьян, Стрипский начал издание в будапештской университетской типографии переведенной в 1791 году с венгерского на русинский рукописной книги советов по хозяйству. Текст, однако, не был напечатан и сохранился лишь в корректурном экземпляре.⁵⁸

Язык появившейся в 1924 году книги по ономастике,⁵⁹ с минимальным использованием элементов русинского разговорного языка, является шагом назад по сравнению с языком его предыдущих работ. Лексика, правописание этой работы приближается к великорусскому языку, грамматические формы также приближены к русским. Приспосабливание к русскому языку, которое было характерным для традиций русинского литературного языка, Г. Стрипский объясняет адаптацией к органическому развитию русинского литературного языка. "Чтобы не ввойти въ теченіе сущихъ на Подк. Руси языковыхъ споровъ, прелагаю свой

⁵⁵ Там же 296.

⁵⁶ Ю.Я. Яворский, Литературные отголоски "русско-краинского" периода въ Закарпатской Руси 1919 года. In: *Подкарпатская Русь въ честь президента Т.Г. Масарика*. Ужгородъ, 1931: 79–87.

⁵⁷ Там же 83.

⁵⁸ П.П. Чучка, Закарпатоукраїнська пам'ятка науково-популярного стилю кінця XVIII ст. *Заніски наукового товариства*. Пряшів, 1997, № 4–5, 135–166.

⁵⁹ *Гдѣ документи...* См. Стрипский 1924.

трудъ въ одеждѣ пережнихъ литературныхъ традицій, излагая свои мысли малорусскими словами и въ граматичныхъ видахъ, что въ природѣ нѣтъ скока безъ помсти самой природы, а укрѣпяти свой домъ можно лишь на *существующимъ* уже фундаментѣ.⁶⁰

После возвращения Подкарпатя в 1938–39 гг. в состав Венгрии, ученый включается в активную деятельность секции русинского языка и литературы Подкарпатского Общества Наук. Систематически публикуется в издаваемой обществом периодике, в первую очередь в журналах "Литературна Недѣля" и "Зоря – Hajnal".

На страницах "Литературной недѣль" публикует несколько русинских языковых памятников.⁶¹ Согласно изданной в 1942 г. в Ужгороде истории литературы, "Гиадор Стрипский большой поклонник стремлений тех закарпатских русинов, которые стремятся поднять свой язык на уровень литературного".⁶²

В письме к профессору Иштвану Чекей Стрипский протестует против того, что в книге профессора русинский перевод Е. Балецким произведения "Szózat" Михая Вёрёшмарти представлен на русском языке.⁶³

Многие другие работы Стрипского также заслуживают внимание языковедов.⁶⁴

Требуя самостоятельного и отдельного исследования отзыв, который Гиадор Стрипский дал на габилитационное прошение словенского филолога и переводчика Агоштона Павела (1886–1946), представлен-

⁶⁰ Там же 5–6.

⁶¹ Турки подъ Віднемъ: Пісня из 1686 р. *ЛН* 1941, ч. 14, с. 122–124; Шаришський романъ изъ року 1550. *ЛН* II. 1942, ч. 20, 208–209; Пісьн о Еп. Михайлѣ Олшавскомъ. *ЛН* III. 1943, ч. 12, с. 141; Соборникъ Іерея Ігнатія (около 1660 г.). *ЛН* III. 1943, ч. 13, с. 149–152; Языкова памятка изъ р. 1703. *ЛН* III. 1943, ч. 13, с. 153–154.

⁶² См. *Исторія подкарпатурськой литературы*. Ужгород, 1942: 63.

⁶³ См. Udvari István, Adatok Sztripszky Hiador késői alkotói korszakához. Magyar szavak szótára lengyelek részére (1939), Vörösmarty Mihály: Szózat c. költeményének ruszin fordítása. In: Bańcerowski Janusz (szerk.), *Hungaro-Polonica* 1998–1999. Bp., 2000: 370–377.

⁶⁴ A magyar vezényszó történetéhez. *Századok* 43, 1909: 129–142; 203–217; Sztójka püspök újonnan felfedezett antimensionja és az irholczi monostor. Ungvár, 1910. Отдельный оттиск. *Görög Katholikus Szemle*; A Halotti Beszéd és Könyörgés, mint a görög szertartás emléke. In: Sztripszky H., *Jegyzetek a görög kultúra árpádkori nyomairól*. Bp., 1913: 51–71; *Szegedi Gergely énekeskönyve XVI. századbeli román fordításban: Protestáns hatások a hazai románságra*. Bp., 1911 (в соавторстве с Дёрдем Алексичем (Alexics György)).

ное в Сегедский университет.⁶⁵ Здесь уместно отметить, как Г. Стрипский мотивировал свое внимание к исследованиям специалиста в области словенского языка и этнографии: "Кроме общих вопросов славянского языкознания меня особо интересовал язык словенского народа, потому что из всех славянских языков только в словенском и русинском наблюдается языковое явление, когда исконно славянское закрытое *o* в отдельных случаях переходит в *ь*. Можно сказать, что именно этот звук заставил меня тщательное внимание уделять научным исследованиям Ашбота и Павела, за публикациями последнего я следил с особым интересом с самого начала".⁶⁶ Агоштон Павел подал прошение на габилитацию на историко-филологический факультет Сегедского университета по теме: "Южнославянско-венгерские языковые и литературные контакты". Габилитационное выступление его было на тему: "Король Матяш в словенской литературе и народных традициях".⁶⁷

* * *

Прошло уже более ста лет с начала научной деятельности настоящего патриота своей земли, неутомимого собирателя материальных и духовных ценностей народов, населяющих Северо-Восточную часть Карпатского бассейна. Удивительная целенаправленность в деле сохранения этих ценностей, его по-настоящему подвижническая деятельность на своем посту на протяжении столь непростого для Европы и лично для самого ученого полувека и культивируемый им комплексный подход при собирании этнографических, языковых и общекультурных ценностей являются весомым основанием для новых поколений исследователей культуры Карпатского бассейна тщательнее относиться к научному и общественному наследию крупного ученого первой половины XX века – Гиядора Стрипского.

⁶⁵ Место нахождения: Csongrád Megyei Levéltár. Szeged, № 117.40.41. На этом месте выражаю глубокую благодарность архивисту Илоне Х. Тот (H. Tóth Ilona), которая обратила наше внимание на весьма ценный документ. Текст отзыва Ф. Стрипского о габилитации А. Павела см. Udvari István, Adatok Sztripszky Híador műfordítói munkásságához. *Könyv és Könyvtár* XXI. Debrecen, 1999: 141–147.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Об этом см.: H. Tóth Imre, Pável Ágoston 1886–1946. In. Pável Ágoston, *A szlovén irodalom vázlatos áttekintése (Történelmi áttekintés)*. Szeged, 1976: 61–62.

Приложение
Лингвистические работы Гиядора Стрипского

- Старша руська письменность на Угорщинѣ. Написавъ: Біленькій, *Наука* 1907. № 10, 11–13, 29.
- A magyar vezényszó történetéhez [К истории венгерских слов, обозначающих команды]. *Századok* 43, 1909: 129–142; 203–217.
- A Halotti Beszéd és Könyörgés, mint a görög szertartás emléke [Проповедь и молитва над усопшим как памятка греческого обряда]. In: Sztripszky H., *Jegyzetek a görög kultúra árpádkori nyomairól*. Вр., 1913.
- Hogyan ingerkedtek a szomszéd falusiak [Как подшучивали друг над другом соседние села]. *Pesti Hírlap* 1917. VI. 3.
- Egy erdélyi nyelvemlék [Об одной памятке из Трансильвании]. *Magyar Nyelvőr* 47, 1918: 20–26.
- Csakugyan ál-nyelvemlék? [Действительно ли псевдопамятка?] *Magyar Nyelvőr* 47, 1918: 125–128.
- Гдѣ документи старшей исторіи Подкарпатской Руси? О межевыхъ названияхъ. Ужгород, 1924.
- Sztronga, esztrengába fog [Значение слова *стронга* и выражения *загонять в стронгу*]. *Magyar Nyelv* 20, 1924: 80–84.
- Языкъ литературной традиции Подкарпатской Руси. *Карпатский свѣтъ* 1930, № 9–10, 1083–1093.
- Słowniczek najniezbędniejszych słów węgierskich dla Polaków, z wymową – A legszükségesebb magyar szavak szótára lengyelek részére, kiejtéssel*. Budapest: Aczél Testvérek, 1939.
- Что значить слово "синетарь"? *ЛН* 1941, ч. 10, с. 79–81.
- Якъ збирати и упорядковувати народні пісні? *ЛН* 1941, ч. 11, с. 86–87; ч. 12, с. 99–100.
- Турки подъ Віднемъ: Пісня изъ 1686 р. *ЛН* 1941, ч. 14, с. 122–124.
- Magyar eredetű ruszin helységnevé: Beregszentmiklós – Csinagyievo [Венгерское происхождение русинского названия селения Чинадиево]. *Kárpáti Híradó*. Ungvávár, 1942. április. IV/5, IV/9.
- Hogy lett Ungvárból Uzsgorod? [Как из Унгвара возник Ужгород?] *Kárpáti Híradó*. Ungvávár, 1942. május 30–31.
- Чи знаете назву свого села? *ЛН* 1942, ч. 4, с. 28–30.
- По мадярски Posvay – по руськи Ольшавский. *ЛН* 1942, ч. 6, с. 47–49.
- Якъ треба збирати матеріал для словаря. *ЛН* 1942, ч. 19, с. 199–201.
- Штефанъ воевода. *ЛН* 1942, ч. 20, с. 202–209.
- Путаниця около назвы Осой. *ЛН* 1942, ч. 23, с. 246–249; *Русинська бисіда* 1999, ч. 11, с. 2.
- Egyházi schematizmusaink és a helynevek. *Зоря – Hajnal* III. Ужгород, 1943: 206–228.
- Чи есть справнымъ высловити прозвисько "Гомичко" звуком *g*, яко Gomicsko. Чи правду учать наші грамматики, что в руськомъ языці звука *g* не есть? *ЛН* 1943, ч. 2, с. 21–23.
- Другий выпускъ про Осоя. *ЛН* 1943, с. 81–83; *Русинська бисіда* 1999, ч. 11, с. 2.

- Обясніть сі слова. *ЛН* 1943, ч. 11, с. 131; ч. 14, с. 166–167.
- Соборникъ Іерея Ігнатія (около 1660 г.). *ЛН* 1943, ч. 13, с. 149–153.
- Піснь о Еп. Михаїлі Олшавскомъ. *ЛН* 1943, ч. 12, с. 141.
- Язикова памятка изъ р. 1703. *ЛН* 1943, ч. 13, с. 153–154.
- Изъ життя слов. *ЛН* 1943, ч. 19, с. 227–228.
- Oszvaj [Значение названия села Освай]. *Magyar Nyelv* 39, 1943: 386–389.
- Erge [О слове *ерге*]. *Magyar Nyelv* 39, 1943: 325–326; 40, 1944: 71.
- Bajka [О слове *байка*]. *Magyar Nyelv* 40, 1944: 71.
- Borzsava [О названии реки Боржава]. *Magyar Nyelv* 40, 1944: 348–353.
- Orszok [О слове *орсок*]. *Magyar Nyelv* 40, 1944: 378.
- A bajka juhról meg a cigányrajkóról [О "черной овце" и "цыганском ребенке"]. *Nép és Nyelv* IV, 1944: 37–40.
- Baranyamegyei helynevek [Топонимы области Бараня]. *Magyar Nyelv* 41, 1945: 94.
- Helynevek a háromszéki Bikfalváról [Топонимы харомсекского села Бикфолва]. *Magyar Nyelv* 41, 1945: 94–95.